

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

КРУЧЕНИНА И. Н., ЛОПАТИН В. В.

ЗАМЕТКИ О ПРАЖСКОЙ «РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ»

Вышедшая в 1979 г. в Праге двухтомная «Русская грамматика» [Т. I — Фонемика. Морфофонемика. Графика и орфография. Морфология (с. 1—664); Т. II — Синтаксис. Указатели (с. 665—1094)] написана коллективом известных чешских русистов, сотрудников грамматического отделения Института иностранных языков Чехословацкой Академии Наук — В. Барнетовой, Е. Беличовой-Кржижковой, О. Лешкой, З. Скоумаловой и В. Страковой. Книга содержит систематическое описание русского литературного языка, ориентированное на чешских специалистов и потому совмещающее собственно описательные задачи с сопоставительным подходом. Сопоставление русского языка с чешским последовательно проводится при изложении каждой из тем (как правило, в специальных параграфах).

Перед нами фундаментальный труд, не только учитывающий достижения современной русистики, но и отмеченный своеобразием концепции, в значительной степени опирающейся на чешскую грамматическую традицию.

В открывающих книгу разделах «Фонемика» и «Морфофонемика» совмещаются теоретические принципы, близкие к Ленинградской фонологической школе, и приемы генеративной морфонологии с ее глубинными репрезентациями морфем. Обширный раздел «Фонемика» содержит подробное описание репертуара фонем с артикуляционной и акустической точек зрения, позиционных ограничений фонематических противопоставлений, аллофонов, а также в главе «Фонемика и слово» — общую характеристику явлений слогораздела и ударения. Особо следует отметить главу «Фонемика и семантика», где выявляется фонематическая специфика отдельных отмеченных в этом отношении лексических групп — иноязычных заимствований и интернационализмов, сложносокращенных слов, собственных имен (имен и отчеств), а также междометий, в том числе звукоподражательных. В этой нетрадиционной для подобных фонематических разделов главе, как и в главе «Сосуществующие системы фонем и их представление» (екающая схема распределения гласных и эллиптический стиль), эксплицированы все отклонения от традиционно сложившейся фонематической системы русского литературного языка.

В непосредственно обращенном к грамматике разделе «Морфофонемика» в качестве основной единицы морфофонемного уровня языка выдвигается морфофонема как обобщенный ряд чередующихся фонем, представленный в морфофонематической записи главным своим членом. Большое внимание уделяется в этом разделе типам чередований, в особенности чередованиям, связанным с морфофонемой <#> (т. е. чередованиям гласных с нулем), видам морфем, содержащих это чередование, и механизму его проявления, а также условиям чередований согласных и в этой связи классификации суффиксов с точки зрения вызываемых ими типов чередований согласных на морфемном уровне.

Предложенные в этом разделе принципы разграничения морфофонематических и фонематических явлений, а также применения морфофо-

нематической и фонематической записей используются в последующих разделах книги, посвященных плану выражения морфологических категорий, словоизменению и словообразованию; поэтому они заслуживают специальной оценки с точки зрения их практической применимости в грамматическом описании. В этом плане могут быть отмечены следующие спорные моменты.

Вызывает сомнение целесообразность последовательного отражения в грамматических разделах книги тех фонем, которые в русской советской фонологической традиции получили название «слабых»: ср., например, /k/ в /rok/ (рог) (с. 101), /f/ в /'fstal/ (встал) (с. 371), /a/ на месте о в /ba'jatca/ (боятся) (с. 379). Чередования сильных фонем со слабыми (или, по терминологии авторов грамматики, «чередования на фонематическом уровне...», связанные с схемами распределения фонем», с. 101) всецело принадлежат фонологии и на этом уровне абсолютно автоматичны, а потому для морфологии они интереса не представляют. И хотя, касаясь вопроса о типах чередований, авторы и отмечают, что «основное внимание... уделяется в дальнейшем неавтоматическим чередованиям, не связанным с схемами распределения фонем», которые «можно назвать морфологическими чередованиями» (например, /k/ | /č/ в рука — ручка, /s/ | /š/ в писать — пишу, /o/ | /ø/ в конёк — конька; с. 101), — они не отказываются в дальнейшем от передачи фонологических чередований, не разграничивая в принятой системе транскрипции чередований двух принципиально различных типов и тем самым загружая собственно грамматические разделы излишней информацией. Особенно это заметно в описании именного словоизменения, где для всех типов склонения флексии передаются не только в морфофонематическом виде, но и в фонематическом (с указанием слабых фонем, выступающих на месте сильных) и даже в фонетическом (см., например, с. 453). Уровень сильных фонем, наиболее существенный для грамматики, не будучи выделен в особом виде записи, оказался неоправданно затухеванным.

Что же касается морфофонематической транскрипции, то в ней сделан упор не на передачу сильных фонем, а на передачу морфофонем. Морфофонема понимается как ряд чередующихся фонем, в том числе и фонем, чередующихся с нулем (к такому чередованию приравниваются и различные случаи усеечения морфем и основ в целом). В результате морфофонематическая запись, составляемая из фонем, репрезентирующих морфофонему в качестве ее главного члена, передает морфемы и основы в наиболее абстрактном, глубинном облике, нередко весьма далеко от их поверхностной материальной структуры: ср., например, <n'os-l-ø> (нёс, с. 100), <ruk#k-a> (ручка, с. 101), <#k#k-a> (суф. -очк-а, например, в слове тумбочка, с. 118), <tolk'nu-o-t> (толкнёт, с. 373), <'maza-o-t> (мáжет, с. 373), <čitaj-l-a> (читáла, с. 374), <govo'r,i-a-t> (говора́т, с. 377) и т. п.

Естественно, что при таком понимании предмета морфофонологии все «морфологические» чередования должны описываться на фонематическом уровне, отсутствуя на морфофонематическом и не отражаясь в морфофонематической записи. Однако авторы вводят в грамматику и понятие «чередований морфофонем», т. е. чередований, получающихся в результате сопоставления разных, соотнесенных друг с другом морфофонематических структур, например, чередований <o> | <a> и <s> | <š> в выпросить — выпрашивать, причем оговаривается, что такие чередования связаны «большой частью с различиями членов видовых пар» (с. 101). Границы понятия чередования морфофонем остаются в книге неясными. Неясно, например, на каких основаниях чередование «заднеязычная — шипящая» интерпретируется в рука — ручка как чередование (фонем: /'ruška/, с. 101), а перед суффиксом суперлатива — как чередование морфофонем: <-k-ejš-oj> → <č-ajš-oj> → /čajšaj/, ср. строжайший (с. 497 — 498), аналогично чередование с' — ш в просит — прошу — как чередование фонем (с. 375), а в выпросить — выпрашивать — как чередование морфофонем. Подобные вопросы возникают и в связи с трактовкой усе-

чения основ: если усечение «полной» глагольной основы последовательно трактуется как явление фонематического уровня (например: <govo'r,i> → /gava'r,-aščaj/, с. 371), то усечение основы прилагательного в таких, например, случаях, как <korot ≠ k-e> → <korot-θ-e> (/ka'roče/) (короткий — короче) — как явление морфофонематического уровня (с. 151).

Представляется, что понятие чередования морфофоном требует дальнейшего теоретического обоснования и более тесного «увязывания» с общей (морфо)фонематической концепцией грамматики. Одновременно подобные факты говорят и о том, насколько еще слабо разработана и не общепринята система подачи морфологических явлений в грамматиках.

За морфофонематическим разделом следует небольшой раздел «Графика и орфография» (с. 131—143), в котором речь идет преимущественно о графике, а собственно морфологический раздел книги открывается краткой главой о морфемах (с. 148—156), непосредственно связывающей фонематическую и морфофонематическую проблематику с морфологической. Здесь кратко излагаются такие важные понятия морфемики, как морфема и типы морфем, алломорфы, типы морфематических структур.

Раздел «Морфология» состоит из двух основных частей — «Морфологические категории» и «Формы словоизменения». В главе, посвященной словоизменению (с. 369—521), словоизменение глаголов и имен предстает как последовательно и непротиворечиво изложенная, полная система правил. Закономерности глагольного основообразования базируются здесь на постулате Р. О. Jakobsona о единой полной основе глагола, преобразуемой по определенным правилам. При описании глагольного спряжения заслуживает внимания введение понятия комплексных (составных) окончаний, под которое подводятся не только такие факты, как <-o-š>, <-o-t>, <-u-t> (-ешь, -ет, -ят), но и такие, как <-l-θ>, <-l-a>, <-l-i> в формах прошедшего времени. Необходимое внимание уделяется акцентной системе.

Центральным и основным понятием морфологии являются в грамматике морфологические категории (они рассматриваются на с. 157—368). Как в самом понимании морфологических категорий, так и в их описании (сначала описываются глагольные категории, затем именные) прослеживается четкая и последовательно проведенная концепция. «Под морфологическими категориями понимаются частные системы грамматических форм, описываемые в плане содержания при помощи определенной совокупности семантических различительных признаков; напр., категория лица описывается при помощи двух семантических различительных признаков: признака персональности и признака активности в диалогической паре „говорящий — адресат“... Формы, соотношенные на основании некоторого признака, составляют элементарное морфологическое противопоставление» (с. 157), причем один из членов противопоставления выступает как маркированный (признаковый), а другой — как немаркированный (беспризнаковый). «Семантические различительные признаки, на которых строятся некоторая категория, образуют, как правило, иерархии; напр., по признаку персональности противопоставляются формы 1-го и 2-го лица, вместе взятые, форме 3-го лица, по второму же признаку противопоставляется форма 1-го лица (как маркированная — „говорящий“) форме 2-го лица (как немаркированной — „неговорящий“), тогда как для формы 3-го лица этот признак безразличен (т. е. противопоставление „говорящий:неговорящий“ реализуется только в рамках маркированности по признаку персональности)» (с. 157—158). Семантические различительные признаки и основанные на них формальные противопоставления пронизывают описание каждой из морфологических категорий и, как бы ни были спорны отдельные из интерпретаций [ср., например, с одной стороны, интерпретацию падежных противопоставлений, основанную на известной концепции Р. О. Jakobsona и в некоторых деталях ее развивающую, но, на наш взгляд, лишь усиливающую ее априорность и отвлеченность, или, с другой стороны, вполне оправданное, с нашей

точки зрения, ограничение семантического различительного признака категории глагольного вида понятием комплексности (целостности) действия¹, делают это описание строгим и систематичным.

В трактовке плана содержания морфологических категорий авторы последовательно придерживаются схемы: от морфологических (или структурных) значений как семантического инварианта (неотделимого от определенной формальной структуры) к функционально-семантическим категориям — основным функциям грамматических форм и к функциональным транспозициям в сфере употребления.

Сам состав морфологических категорий несколько расширен по сравнению с традиционным составом категорий русской грамматики. Авторы выделяют две аспектуальные категории — категорию вида и категорию способов глагольного действия, а среди залоговых категорий — наряду с категорией залога «в узком (более грамматическом) смысле слова», т. е. категорией пассива—непассива, — более широкую категорию рефлексива—нерефлексива (т. е. возвратности). Отметим попутно, что так называемый возвратный пассив глаголов несовершенного вида (*Дом строится рабочими* и т. п.) рассмотрен здесь как один из разрядов возвратных глаголов и, таким образом, поставлен, вряд ли справедливо, вне категории залога в узком смысле, хотя сами авторы подчеркивают, что «в сфере функционального употребления» эта форма «практически находится в распределительной дистрибуции по отношению к кратким отрицательным формам страдательного залога (*дом строился: дом был построен*)» (с. 286); в то же время в собственно залоговую оппозицию включаются фактически вышедшие из употребления формы типа *был читаем, критикуем*. В данном случае авторы предпочли строгость схемы отражению реальных языковых отношений.

Наряду с родом в узком смысле слова, в состав категории рода включается система форм, выражающих одушевленность—неодушевленность.

Как видим, само понятие и термин «морфологическая категория» трактуются в книге более широко и, несомненно, менее строго, чем в современной советской русистике (ср., например, работы А. В. Бондарко). Так, «категория способов глагольного действия» представляет собой, по сути дела, ряд «категорий» (по другой трактовке — ряд лексико-грамматических разрядов), выражающих различные модификации протекания действия. То же отчасти касается и так называемых разрядов возвратных глаголов, хотя они и в большей степени доступны интерпретации в рамках инвариантного семантического противопоставления (тракуемого авторами грамматики как противопоставление по признаку «ограниченной направленности действия», с. 282).

Авторы предлагают новое, нетрадиционное понимание границ выделяемых ими морфологических категорий. В наибольшей степени это относится к способам глагольного действия, сфера которых (справедливо ограниченная морфемно выраженными, «характеризованными» способами) расширяется в книге до границ внутриглагольного модификационного словообразования, и, таким образом, в систему способов глагольного действия включается ряд нетрадиционных способов. Среди них в первую очередь необходимо назвать «пространственно-результативный способ» (пространственную модификацию результативного действия) и «качественно-обстоятельные модификации результативного способа действия», к которым относятся способ, обозначающий повторное действие (*перешить, воссоздать, реорганизовать*), и результативно-негативный (аннулирующий) способ (*отколоть, разлюбить, дезорганизовать, дисквалифицировать*) (с. 251—252). Такое расширение традиционных рамок способов глагольного действия представляется нам оправданным, поскольку «канонические» рамки несколько искусственно сужают лежащее в основе выделения способов глагольного действия понятие модификации характера протекания действия.

Особое место среди категорий (как глагольных, так и именных) отдано категориям так называемых «форм словоизменительной транспо-

зиции», осуществляющих «перевод» слова в иную синтаксическую сферу. Набор таких форм для глагола традиционен: это причастия, деепричастия и инфинитив; состав форм адъективной словоизменительной транспозиции менее традиционен: к полной адъективной парадигме авторы относят, кроме так называемых кратких форм (маркированных предикативных), еще и так называемые качественные наречия (маркированные неатрибутивные формы), т. е. полная парадигма прилагательных выглядит так: *правильный...*, *правилен...*, *правильно* (с. 332—333) (взгляд на «качественные наречия», более характерный для чешской грамматической традиции, однако, не чуждый и русским грамматистам, в частности, разделявший А. М. Пешковским). Для каждой из форм словоизменительной транспозиции определяется ее категориальная структура.

Завершает раздел о морфологических категориях глава «Местоименные слова и их категории» (с. 350—368). Местоименность понимается здесь как «своеобразное рамочное значение», проходящее «через все части речи в собственном смысле слова, выступая в виде местоимений субстантивных, адъективных, адвербиальных, а также количественных» (с. 351). Содержащееся здесь описание «частных разрядов» местоимений соотносит их с соответствующими частями речи неместоименных слов и выявляет специфику выражаемых местоименными словами категорий.

Избранная авторами концепция морфологии естественно оставляет на втором плане традиционно центральную морфологическую классификацию — части речи. Авторы специально останавливаются на этом вопросе в заключающей первый том небольшой главе «() частях речи в русском языке» (с. 654—664). Здесь подчеркивается автономность трех основных аспектов слова, на основании которых и разграничиваются в грамматиках части речи, — «категориально-формального строения», «конфигуративной формы» (синтаксического окружения) и «лексико-семантического содержания» (обобщенного значения). В соответствии с таким взглядом на грамматическую классификацию слов авторы предлагают три параллельные классификации слов: 1) на категориально-морфологические разряды [с двумя основными подразделениями — спрягаемые и склоняемые слова, вне которых, естественно, оказываются наречия (кроме «качественных») как чисто синтаксический класс, выделяющийся «на некатегориальной основе», с. 661]; 2) на основные синтаксические разряды (а также более дробные подразделения, среди которых оказываются, между прочим, предикативы) и 3) на основные семантические разряды слов (собственно наименования; квантификаторы, среди которых — числительные; идентификаторы-индикаторы — местоимения; наконец, формативы — предлоги, союзы, связки). Состав разрядов слов, выделяющихся на основе каждой из этих трех классификаций, — неодинаковый, «отношение между ними асимметрическое» (с. 664). Этим и определяется тот факт, что традиционная классификация частей речи оказалась в грамматике в значительной степени размытой. Среди знаменательных частей речи неизменно осталось, пожалуй, лишь противопоставление глагола и имени; традиционные существительные и прилагательные выступают преимущественно как формальные классы (соответственно) «родовых несогласуемых имен» и «родовых согласуемых имен» (с. 447). Что же касается служебных слов и междометий, то они освещаются лишь во втором, синтаксическом томе. Нельзя не признать, что избранный авторами подход к частям речи — один из возможных путей преодоления хорошо известной противоречивости традиционной системы частей речи. Привлекателен этот путь и тем, что он четко ограничивает сферу морфологии формально выраженными в структуре слова значениями и потому он последовательно грамматичен.

Примыкающий к морфологии «Очерк словообразовательной системы русского языка» (с. 522—654) не претендует на полноту и носит вспомогательный характер. Его задача — показать «взаимоотношения между словообразованием и грамматикой». В разделе проводятся «семантические параллели между морфологическими категориями и семантикой словообразовательных типов», «определяются продуктивные разряды сло-

вообразовательных средств, на которые опираются словоизменительные типы, представляющие в лексической реализации открытые ряды словоформ», наконец, устанавливаются связи словообразования с синтаксисом, т. е. роль словообразовательных средств в построении синтаксических конструкций (прежде всего речь идет о влиянии словообразовательной структуры глагола на «семантическую перспективу» и через нее на синтаксическое оформление конструкции, с. 522). Раздел состоит из двух частей — «Глагольное словообразование» и «Именное словообразование» (первое разработано подробнее), в которых и осуществлены поставленные задачи.

В главе «Глагольное словообразование» справедливо обращается особое внимание на специфику морфемной структуры глагольной основы. В соответствии с чешской грамматической традицией, конечные отрезки глагольных основ типа *-и-*, *-е-*, *-ова-*, *-ну-* рассматриваются как основообразующие (тематические) суффиксы, лишь вторично (секундарно) выполняющие словообразовательную функцию, и соответственно образование глаголов «без присоединения собственно словообразовательной морфемы», только при участии основообразующего суффикса, — как особый способ («прием») словообразования («тематическая суффиксация», в отличие от «собственно суффиксации», с. 527). В связи с выделением тематических суффиксов словообразовательные глагольные форманты, состоящие из «собственно словообразовательного суффикса» и тематического элемента (*-нича-*, *-ирова-*, *-ствова-* и т. п.), рассматриваются как сложные (комплексные) словообразовательные морфемы (с. 525). При этом постулируется возможность двоякого и даже троякого членения одной и той же словоформы (из которых противоположны друг другу «бинарное» и «посегментное» членение: ср., например, *морал-изирова-*, *затверде-ва-* и *морал-из-ир-ов-а-*, *за-тверд-е-в-а-ж-*, с. 525); остается, однако, не вполне ясным морфемный статус всех вычленяемых в последнем случае минимальных отрезков основы.

Изменение сочетаемости префиксальных глаголов изложено в компактном виде как система трансформаций определенных исходных конструкций, характеризующихся изменением синтаксического места связанных с глаголом слов.

Авторы словообразовательного раздела пытаются последовательно провести через все описание словообразовательных моделей деление на три основные «общесемантические категории» (предложенное применительно к чешскому языку М. Докулилом): транспозицию, модификацию и мутацию, хотя и отмечают, что сам язык в ряде случаев не дает четких оснований для разнесения словообразовательных фактов по трем указанным рубрикам (с. 530). Особенно много сомнений вызывает ограничение авторами сфер транспозиции и модификации в рамках глагольного словообразования. Так, отнесение к транспозиции отыменных глаголов типа *грубеть* или типа *веселить* (с. 529) противоречит изложенному здесь же пониманию словообразовательной транспозиции («синтаксической деривации») как такого явления, при котором «словообразовательный элемент... придает исходной основе облик и общекатегориальные свойства характеризуемой им части речи, не внося при этом ничего нового в ее лексико-семантическую структуру» (с. 529): разве значения становления признака и каузирования признака можно считать тождественными с лексико-семантической точки зрения значению самого признака, выраженному прилагательным? Сказанное относится и к таким типам отыменных глаголов, как *джигитовать*, *бродяжить* (с. 534, 545), и др.

Для разграничения модификационных и мутационных значений в рамках глагольной префиксации авторы используют «семантико-синтаксический критерий»: как модификационные рассматриваются лишь те префиксальные образования, в которых сохраняется «интенциональная (лексико-синтаксическая) перспектива исходной основы» (с. 243); при этом область модификационных значений, как уже отмечалось, совпадает с областью способов глагольного действия. Напротив, как мутационные изменения основы рассматриваются все префиксальные образования,

в которых «существенно меняется... интенциональная структура» глагола (с. 243), в частности, все глаголы с транзитивирующими префиксами (с. 560). Представляется, что указанному принципу разграничения мутации и модификации в сфере внутrigлагольного словообразования противоречит безоговорочное отнесение типов глагольной «рефлексивации» (т. е. образования глаголов с «возвратным» аффиксом -ся, носящим, как известно, последовательно интранзитивирующий характер) к модификационной сфере. При всем том знаменательна и оригинальна сама попытка связать типологию словообразовательных значений с синтаксической сочетаемостью слов.

Н есогласуется с принципами синхронической описательной грамматики рассмотрение глагольных оформителей нерусских основ в одном ряду со словообразующими глагольными суффиксами, причем обрусение заимствованных основ, не соотносительных в заимствующем языке с каким бы то ни было мотивирующим словом, приравнивается к словообразовательной модификации (с. 531 и сл.). Недостатком словообразовательного раздела грамматики следует считать также терминологическую неупорядоченность: например, единицы, для которых в русской грамматической традиции закрепился термин «способы словообразования», называются в книге и «словообразовательными приемами», и «средствами», и «видами».

В отличие от главы «Глагольное словообразование», в главе «Именное словообразование» изложение оказывается наиболее фрагментарным и поверхностным; в частности, в ней почти совсем не учитываются различия словообразовательных типов, связанные с частью речи мотивирующих слов.

Второй том «Русской грамматики» посвящен синтаксису простого и сложного предложения.

С и н т а к с и с п р о с т о г о п р е д л о ж е н и я представлен в книге двумя отделами: синтаксисом элементарных синтаксических структур (структурных основ предложения) и синтаксисом коммуникативных типов предложения. В первом отделе содержится классификация структурных основ по принципу односоставности/двусоставности с внутренним делением каждого вида основ по характеру выражения сказуемого на основы глагольного типа (с центральным компонентом — глагольным сказуемым) и основы именного типа (с центральным компонентом — именным сказуемым). Здесь же рассматриваются производные структуры, образующиеся из основных способом их факультативного распространения, и модификации структурных основ, включая явления перехода двусоставных предложений в односоставные. Тематически к этому отделу тяготеют стоящие особняком главы, посвященные контекстным видоизменениям структурных основ, эллипсису и квазипредложениям.

Центральным понятием синтаксиса коммуникативных типов предложения является модальность — трехуровневая категория, включающая в свой объем целеустановочную модальность, модальность правдивости (утвердительность — отрицательность) и модальность достоверности (возможность/недостоверность — достоверность). На основе целеустановочной модальности выделяются четыре коммуникативных типа предложения: повествовательный, оптативный, побудительный и вопросительный. Целеустановочной модальностью организуется парадигма коммуникативных типов предложения, в соседстве с которой рассматриваются и инфинитивные конструкции. К проблематике этой части относится описание способов модальной модификации сказуемого.

Главной отличительной особенностью синтаксиса структурных основ является вовлечение учения о сочетательных свойствах глаголов в учение о предложении и снятие фундаментальной для современной русской синтаксической науки оппозиции словосочетания и предложения. Валентность глагола «проецируется» в элементарные структурные схемы предложения и провозглашается теоретической основой синтаксического компонента «Русской грамматики». Изучение структуры предложения с учетом дистрибуции ее центрального компонента — глагола имеет свои сла-

бные и сильные стороны. В советском языкознании этот вопрос достаточно обстоятельно обсуждался при подготовке грамматик русского языка (1966—1972 гг.), большое внимание уделяется ему и в синтаксических исследованиях (см., например: Шмелев Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976). Включение глагольных связей в структурный минимум (основу, формулу, модель, схему и т. п.) предложения может быть оправдано с нескольких точек зрения. Ставшее широко популярным сравнение предложения со спектаклем, который дает себе говорящий, как раз исходит из понимания глагола как потенциального носителя целой ситуации, не только называющего какое-либо действие, но и предопределяющего распределение «ролей» между его участниками. С признанием лексико-синтаксической сочетаемости глагола релевантной для структуры предложения могут быть расширены аспекты изучения последнего: становятся возможными развернутое описание его синтагматики и более свободная семантическая интерпретация синтаксических отношений, открываются дополнительные перспективы всестороннего функционального обследования разных типов предложения, выявления их иерархической соотнесенности друг с другом и установление различий по системно значимым признакам.

Вместе с тем неизбежны спорные моменты и трудности. Прежде всего встает традиционный вопрос о роли и месте неглагольных предложений и предложений без Vf в системе русского синтаксиса. В решении этого вопроса авторы книги идут, в основном, по пути подведения подобных конструкций под разнообразные структурные схемы глагольных предложений; некоторая их часть попадает в раздел квази-предложений, т. е. синтаксически неоформленных слов-высказываний, транспонированных в позицию предложения. Так, номинативные экзистенциальные конструкции типа *Ночь. Тишина.* рассматриваются в «Русской грамматике» как «особая разновидность» структурной основы $N_n - Vf$, т. е. на высшей ступени иерархизации предложения отождествляются с двусоставными глагольными конструкциями *Девочка спит; Ребенок плачет; Публика аплодировала* и под. С другой стороны, предложения *Ночь. Тишина.* отграничиваются от квази-предложений типа *Запущенный липовый парк. Мшистые скамейки. Заглохшие аллеи*, которые квалифицируются как высказывания с транспонированным именительным представлением. Это отграничение мотивируется тем, что именительный предствления не может быть соотнесен с конструкциями, в состав которых входит глагол *быть* в личной форме, тогда как экзистенциальные предложения, по мнению авторов «Русской грамматики», всегда парадигматичны. Дискуссионно решается также вопрос об инфинитивных предложениях. Прежде всего необычен тот факт, что на уровне элементарных синтаксических структур, или структурных основ предложения, инфинитивные предложения вообще не выделяются. За исключением широко понимаемого инфинитива представления, который аналогично именительному представлению отнесен к числу квази-предложений, инфинитивные конструкции квалифицируются, в основном, как вторичные структуры, являющиеся результатом синтаксической модификации двусоставных предложений. Характеристика инфинитивных предложений ограничена, главным образом, детальным рассмотрением их роли в выражении разнообразных модальных значений. На уровне модификаций — но уже не модальных, а экспрессивных — вводится в описание и фразеологизированные (по преимуществу тоже номинативные) конструкции типа *Ай да мы!; Вот удружила!; Ох уж эта молодежь!; Жена есть жена; Парень как парень* и под., а также конструкции с «именительным восклицательным» (*А складь!; А цветы!; А молодежь!*) и «родительным восклицательным» (*Народу! Цветов!*). Нетрудно заметить, что с использованием понятия модификации задача приведения всей массы разнообразных именных (в широком смысле) предикативных конструкций к «глагольному виду» становится для авторов «Русской грамматики» вполне разрешимой; см. их исходную констатацию: «состав любого предложения можно свести к своего рода костяку, ядром которого будет личная форма глагола» (с. 670).

Исключение конструкций без *Vf* из числа типологически релевантных структурных основ предложения существенно упрощает процедуру классификации последних. В значительной степени условным становится, например, их деление на основы с глагольным сказуемым, с одной стороны, и именным — с другой, поскольку последние также оказываются в конце концов глагольными. Отличие усматривается только в том, что личный глагол в них лексически неполнозначен, имеет характер связки и выступает в сочетании с именной формой. Как пишут сами авторы, «разграничение структурных основ с глагольным и именным сказуемым представляет собой на самом деле вопрос частной классификации глаголов в зависимости от обязательной детерминации глагола объектным, обстоятельственным или предикативным детерминантом (разрядка наша. — *К. И., Л. В.*) (с. 719). Выше уже отмечалось, что деление структурных основ по характеру выражения сказуемого перекрещивается с их делением по принципу двусоставности — односоставности. Ядро структурной основы двусоставного предложения представляет собой основанное на предикации отношение между подлежащим и сказуемым в форме *Vf*; конструктивным ядром односоставного предложения является глагол в безличной форме. Согласно определениям пражского «Синтаксиса», двусоставными называются «предложения, в структурную основу которых входит именительный подлежащего и сказуемое (в случае их распространения — состав подлежащего и состав сказуемого), а односоставными — предложения, в структурную основу которых не входит именительный подлежащего» (с. 681). Тем самым устанавливается дифференциация основообразующих компонентов: одни из них (подлежащее и сказуемое, или одно сказуемое) участвуют в выражении предикативного значения и определяют типологические признаки элементарной синтаксической структуры, другие («детерминанты») призваны заполнить «пустые» места, обусловленные семантической недостаточностью глагола-сказуемого, т. е. придать элементарной синтаксической структуре смысловую завершенность. Эта дифференциация известным образом корректирует тезис о глагольной валентности как теоретической первооснове пражского «Синтаксиса». С учетом наличия глагольных детерминантов и их количества среди двусоставных и односоставных основ выделяются основы: 1) без глагольного детерминанта; 2) с одним детерминантом сказуемого; 3) с двумя детерминантами сказуемого. Эта самая общая классификация служит базой для дальнейших конкретизаций структурных основ в зависимости от формы приглагольных детерминантов и их объектного или обстоятельственного характера. В конечном итоге вырисовываются три уровня представления структурной основы предложения и три ряда соответствующих понятий. Первый и самый общий уровень — это уровень элементарных синтаксических структур (структурных основ предложения) в собственном смысле слова; второй — уровень синтаксических реализаций («разновидностей») структурных основ, или уровень структурных схем предложения; третий — уровень семантических реализаций («вариантов», «подтипов») структурных схем предложения. Так, например, структурная основа $N_n - Vf$ — N_x , где N_x — зависимый объектный детерминант, может синтаксически реализоваться в виде структурной схемы $N_n - Vf - N_a$, где N_a — объектный детерминант в форме вин. пад., и семантически специфицироваться в виде следующих комбинаций, или вариантов: *кто Vf кого/что; кто Vf что; кто Vf кого; кто/что Vf кого; кто/что Vf кого/что; что Vf кого; что Vf кого/что; что Vf что; кто/что Vf что.*

По вполне понятным причинам, авторы отказываются от подробного рассмотрения семантических вариантов. Основное внимание они уделяют описанию синтаксических аспектов предложения и перечислению его структурных схем. Этому описанию предпосланы общая сравнительная характеристика морфологических категорий, непосредственно или опосредованно участвующих в оформлении синтаксических отношений (надеж, лицо, число, род, залог, вид, время, наклонение), и указание «приемов»,

при помощи которых происходит сцепление отдельных составных компонентов в единое целое (предикация, согласование, управление, примыкание). Как предупреждают сами авторы, характеристика отдельных структурных схем и их возможных реализаций дается лишь в самых общих чертах, как правило, с учетом расхождений между русским и чешским языками. Тем не менее объем сведений, включаемых в эту обобщенную характеристику, достаточно широк: с разной степенью полноты отражаются и лексико-семантическая специфика глагола-сказуемого, и особенности его оформления, и характер связи с детерминантом, и семантические функции последнего; отмечаются явления вариативности в выражении подлежащего и детерминанта и их наиболее существенные (нередко взаимообусловленные) категориальные ограничения; во многих случаях указываются условия употребления структурной схемы, степень ее продуктивности, системные связи. Неравномерность, неполноту или приблизительность некоторых характеристик иногда можно объяснить общей недостаточной разработанностью соответствующих участков синтаксиса; вместе с тем нельзя упускать из вида и сугубо субъективной трудности, возникающей в связи с намерением авторов каталогизировать структурные типы предложения с учетом всех обязательных валентностей глагола; в результате количество только непроемких структурных схем, описываемых «Русской грамматикой», оказалось чрезвычайно большим, почти необозримым. Последнее обстоятельство привело также к тому, что некоторые специфические проблемы сочетаемости слов вообще не получили своего освещения; приходится констатировать, что синтаксис словосочетания вошел в книгу в существенно редуцированном виде.

Авторы различают два статуса структурных основ (схем) предложения: с и с т е м н о - я з ы к о в о й («уровень системы языка») и р е ч е в о й («уровень реализации системы языка»). Согласно концепции пражского «Синтаксиса», значительное количество структурных типов предложения не находит себе места в системе языка, а обнаруживается только в речи. Кроме инфинитивных предложений, о которых по другому поводу уже говорилось выше, это — пассивные конструкции, обобщенно-личные и неопределенно-личные предложения, многие безличные. Все они характеризуются как вторичные (производные) структуры, т. е. рассматриваются как результат тех или иных формальных видоизменений (модификаций) исходных структурных основ. Понятие модификации структурной основы охватывает три круга явлений: 1) неполноту ее воплощения (незамещенность тех или иных обязательных приглагольных позиций, в том числе позиции подлежащего — в тех случаях, когда это не влечет за собой восприятия действия как замкнутого в себе процесса); 2) пассивизацию (устранение из позиции подлежащего фактического или потенциального производителя действия); 3) исключение подлежащего из числа основообразующих компонентов, результатом чего является переход структурных схем двусоставного (личного) предложения в структурные схемы односоставного (безличного) предложения. С уровнем речевой реализации авторы книги связывают и описание способов распространения структурных основ факультативными детерминантами и средств их модального и экспрессивного осложнения. Рассматриваются два вида факультативных детерминантов: 1) по преимуществу обстоятельственные, распространяющие сказуемый состав структурной основы, и 2) атрибутивные, распространяющие непредикативные компоненты. В рамках распространения описывается модальная и фазисная модификация глагольного ядра структурной основы, результатом которой является составное сказуемое (производные конструкции типа *Я стал/должен читать книгу* в отличие от исходных типа *Я читаю книгу*), а также замещение той или иной обязательной или факультативной позиции рядами однородных членов и формальная организация подобных рядов (виды связи, особенности согласования сказуемого с подлежащим в случае осложнения, распространения или замещения последнего). С наибольшей полнотой и тщательностью разработана в книге проблема факультативной детерминации сказуемого состава.

Явление неполноты структурной основы рассматривается дважды — первый раз в общем виде — в связи с вопросом об отношении структурных основ к языку и речи и второй раз — более подробно и обстоятельно — в связи с явлением контекстной обусловленности предложения, его зависимости от синтаксического окружения и внеязыковой ситуации (раздел «Эллиптические предложения»). Под углом зрения контекстных модификаций описывается в книге порядок слов и актуальное членение предложения, а также экспрессивные осложнения и средства выражения экспрессивности: морфологические (переносное употребление форм времени, наклонения, лица — у глагола, рода, числа и падежа — у имени), синтаксические (транспозиции коммуникативных типов предложения, отрицательной/утвердительной формы, модификации актуального членения и некот. др. явления), лексические (оценочно-характеризующие слова и частицы, обращения, междометия, здесь же — экспрессивные употребления форм дательного и именительного падежей). На уровне экспрессивных модификаций рассматривается достаточно широкий круг фразеологизированных предикативных конструкций, о чем уже говорилось выше.

С переходом от описания структурных основ предложения к описанию его коммуникативных типов в центре внимания оказывается область модальных значений, т. е. та область синтаксиса, которая отражает отношение говорящего к объективной действительности через оценку предметного содержания предложения (= высказывания) с точки зрения реальности, желательности и т. п. Данное отношение определяется в книге как целеустановочная модальность и кладется в основу понимания коммуникативного типа предложения. Основным средством выражения («базисом») целеустановочной модальности признана морфологическая категория наклонения, которая находится в соответствии с «модальной рамкой» предложения, т. е. определенной комбинацией семантических признаков, приписываемой отдельным коммуникативным типам. Авторы определяют модальную рамку как «своего рода глубинную семантику, наславивающуюся на синтаксическую схему» (с. 814). Система коммуникативных типов представляет собой синтаксическую парадигму предложения в узком смысле слова. Членами этой парадигмы являются предложения повествовательные (модальная рамка «заявляю *x*»), оптативные (модальная рамка «заявляю, что считаю желательным *x*»), побудительные (модальная рамка «заявляю, что считаю желательным, чтобы ты сделал *x*»), вопросительные (модальная рамка «хочу узнать *x*»). Данная парадигма организована по принципу бинарности: невопросительные коммуникативные типы с общим семантическим признаком «заявляю *x*» противопоставлены в ней вопросительному коммуникативному типу с модальной рамкой «хочу узнать *x*». Соответствие между парадигмой коммуникативных типов предложения, с одной стороны, и «модальной парадигмой глагола» (системой наклонений) — с другой, не является однозначным; так, изъявительное наклонение может оформлять предложения повествовательные, оптативные (обычно в сочетании с частицами *да* и *пусть*) и вопросительные. То же самое относится, очевидно, и к сослагательному наклонению. Коммуникативные типы предложения различаются своими транспозиционными возможностями: одни из них сравнительно легко поддаются перемещению в область иных (парадигматически соотносительных) модальных значений, у других — эта способность отсутствует или проявляется ограниченно. Как уже отмечалось, в тесной связи с коммуникативными типами рассматриваются модальные свойства инфинитивных предложений; здесь же получает дальнейшую разработку проблема модальных модификаций сказуемого, в общем виде затронутая при характеристике способов распространения глагольного ядра структурных схем предложения. Как более частные виды модальных значений описываются в книге модальность правдивости, содержащая оценку преддицируемого признака с точки зрения его наличия или отсутствия в действительности, и модальность достоверности, в целом соответствующая тому, что в советской русистике принято называть субъективной модальностью предложения. В рамках модальности правдивости рассмат-

риваются синтаксические аспекты негации (общее и частное отрицание, модифицирующие способности отрицания, отрицание в его отношении к коммуникативным типам предложения, вторичные функции отрицательных предложений). Во взаимодействии с целеустановочной модальностью описывается в книге модальность достоверности.

Характеризуя раздел «Простое предложение» в целом, следует прежде всего отдать должное стремлению авторов представить динамическую картину русского синтаксиса. Раздел написан на высоком теоретическом уровне и отличается новизной и смелостью подхода ко многим, порой остро дискуссионным, проблемам. Некоторые недостатки изложения (не всегда полная эксплицитность, терминологические непоследовательности, особенно в употреблении таких ключевых слов, как «реализация» и «модификация»), а также тот факт, что содержащиеся в книге решения не всегда приемлемы или, по меньшей мере, дают новый импульс к возобновлению традиционных дискуссий (об уровнях представления предложения; статусе структурных основ; синтаксической производности и членении синтаксиса в плане дихотомии «язык — речь»; обязательных и необязательных глагольных связях и безглагольных предложениях; структуре синтаксической парадигмы и мн. др.), не заслоняют важного: определенности и непротиворечивости авторских позиций, недвусмысленности их точек зрения. Раздел содержит немало весьма интересных частных наблюдений и выводов, в ряде случаев обусловленных новыми принципами организации синтаксического материала.

Теоретические установки «Русской грамматики» относительно раздела «С л о ж н о е п р е д л о ж е н и е» содержатся в общем введении в синтаксис. Предлагаются как будто два понимания сложного предложения: широкое, согласно которому оно определяется как единица, состоящая по крайней мере из двух предложений, и узкое, в соответствии с которым оно характеризуется как элементарная синтаксическая структура, состав которой осложнен предложением. Очевидно, что, с известными оговорками, последнему определению может удовлетворять только сложноподчиненное предложение. Осложнение элементарной синтаксической структуры предложением характеризуется как факт синтаксической транспозиции: «если в позиции компонента синтаксической структуры предложения как элементарной самостоятельной синтаксической единицы выступает предложение же, то мы имеем дело с вторичной функцией этого предложения» (с. 667).

Оставляя в стороне вопрос о целесообразности столь широкого понимания термина «транспозиция» и применения его к области проявления регулярных и органических свойств предложения (в данном случае — естественного свойства предикативных конструкций вступать в связи друг с другом), обратим внимание на некоторые трудности, с которыми, на наш взгляд, столкнулись авторы книги. Прежде всего, есть повод говорить об известном раздвоении их позиций при классификации сложноподчиненных предложений. Книга содержит две такие классификации — традиционную и новую, ориентированную на систему понятий, изложенную в разделе «Простое предложение». Описание конкретных видов сложноподчиненных предложений осуществляется, в основном, в рамках первой классификации; вторая классификация практически мало используется. Нельзя не отметить также теоретического несоответствия между интерпретацией придаточности как вторичного способа оформления позиций в составе простого предложения, с одной стороны, и допущением возможности конденсации некоторых видов придаточного предложения в инфинитив или существительное, с другой (см., например, §§ 1569, 1604, 1606).

Изложенное выше понимание сложного предложения не оказало, впрочем, существенного влияния на характер его описания, которое следует, в основном, традициям чешских грамматик. Специфика чешской синтаксической науки (в первую очередь школы Я. Бауэра) находит свое отражение прежде всего в классификациях сложного предложения, а именно — в невыделении бессоюзных конструкций в качестве самостоя-

тельного типа и рассмотрении их в рамках сочинения/подчинения; в делении сложноподчиненных предложений на относительные, изъяснительные и обстоятельственные («адвербиально-детерминантные»); в интерпретации сложноподчиненных предложений с союзами типа *то... то...* как соединительных, а не разделительных; в выделении среди сложносочиненных предложений таких самостоятельных типов, как градационный, следствия/вывода, пояснения и обоснования, а среди сложноподчиненных — предложений со значением орудийным и ограничительным. Характерной чертой является весьма широкое понимание формального аппарата сочинительной связи: на правах вторичных средств сюда включается достаточно большое число подчинительных союзов, относительных местоимений и местоименных паречий (в тех случаях, когда выражаемые ими значения приближаются к сочинительным). При этом, естественно, устанавливается довольно большое число несобственно-подчинительных конструкций, квалификация которых осуществляется иногда под углом зрения омонимии (см., например, § 1593).

При описании конкретных типов сложного предложения авторы, как и в других разделах книги, широко пользуются приемом сопоставления русского и чешского языков. Как правило, это не только не вызывает возражений, но и представляется вполне уместным; однако в отдельных случаях обращает на себя внимание излишняя категоричность, а иногда и неоправданность запретов и ограничений, налагаемых на русский синтаксис (см., например, §§ 1568, 1643, 1564, 1605; вне рамок сопоставления — §§ 1538, 1569).

Как и раздел «Простое предложение», эта часть «Синтаксиса» представляет интерес. Она, бесспорно, привлечет к себе внимание русистов как одна из попыток такого описания сложного предложения, при котором на первый план выдвигаются не столько формальные, сколько содержательные и функциональные характеристики данной синтаксической единицы.

Интерес к разработке и описанию грамматического строя русского языка в настоящее время очень велик. Опубликованная чешскими русистами грамматика, оригинальная по концепции и цельная по исполнению, дает новый импульс для исследований в этой области.